

Часть I

1941-й год минул. Он завершился совсем не так, как планировали Гитлер и его генералитет. Молнии блицкрига, начисто разметавшие оборону Польши, Франции и еще десятка европейских стран, в Советском Союзе работать отказались. Они вначале «затупились», натолкнувшись на растущую стойкость бойцов и командиров Красной Армии, а потом и вовсе на громадных просторах СССР потребовали замены.

Война из молниеносной превратилась в затяжную, не сулящую таких отрадных перспектив, какие грезилась Берлину летом 41-го.

К исходу первого года войны Германия не смогла реализовать ни одного пункта из плана «Барбаросса». Советский Союз понес громадные территориальные и людские потери, лишился тысяч танков, самолетов, автомобилей, пушек, но не утратил воли к сопротивлению и веры в победу.

В ноябре и декабре вектор движения фронта изменился. Он повернул на запад. Фронт откатился пока еще недалеко и остановился в неустойчивом равновесии. В этих условиях каждая из сторон надеялась, что 1942-й станет для неё годом решающих побед. Германия уже не могла наступать по всему фронту, но стратегического преимущества не утратила, а Советский Союз надеялся его перехватить. Для этого требовалось понять, на каком участке громадной линии противостояния гитлеровцы нанесут главный удар в летней кампании. Берлин надеялся, что Москва не сумеет вскрыть его планов.

Наступило время лихорадочной работы разведок и штабов...

Мозаика сургучных печатей

Солдаты 3-го батальона 15-го полка 29-й моторизованной дивизии вермахта, после того как увели пленного советского генерала и двух сопровождавших его летчиков, вокруг упавшего самолета обшарили буквально каждый сантиметр земли, превращенной апрельской влагой 1942 года в грязь. Гитлеровцы собрали все клочки обгоревших машинописных листов и оперативной карты. С германской педантичностью искали крупницы раскрошившихся сургучных печатей, которые могли позволить определить подлинность попавших к ним в руки документов, имевших гриф «Особой важности».

На следующий день командующий 2-й немецкой танковой армией, в состав которой входила 29-я моторизованная дивизия, генерал-полковник Рудольф Шмидт выразил благодарность 3-му батальону 15-го моторизованного полка «за сбитый 21 апреля самолет и взятого в плен генерала Самохина». Далее сообщалось, что «командование получило ценные данные, которые, при известных обстоятельствах, могут повлиять на дальнейшее проведение операции».

Попробуем разобраться, о каких же обстоятельствах говорил в приказе немецкий командующий армией. Они, как мы увидим, имели прямое отношение к последующим событиям на советско-германском фронте, когда гитлеровцам удастся в известной степени скрыть подготовку к операции «Блау», которая предполагала нанесение главных ударов летней кампании 1942 года по двум стратегическим направлениям на юге.

5 апреля Гитлер подписал директиву верховного командования вермахта (ОКВ) № 41. Она определяла задачи летней кампании для немецких армий на восточном фронте. Их главные цели состояли в том, «чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь по суше с финнами, а на южном участке фронта осуществить прорыв на Кавказ».

Советское командование также пришло к выводу, что противник летом попытается уничтожить войска Ленинградского фронта и захватить обороняемый ими город. Южный участок фронта как направление главного удара для Ставки был не столь очевидным, но есть сведения, что именно такая точка зрения у командования РККА превалировала в начале весны, но уже к лету она поменялась. Нельзя исключать, что на трансформацию стратегических планов Ставки повлияло пленение советского генерала, с рассказа о котором я начал очерк. Подробности этой в высшей степени загадочной истории читатель узнает чуть ниже, а пока обратимся к другим событиям.

Нефтяной след

К апрелю 1942 года советско-германский фронт от Ладоги на севере и до Барвенково на юге в результате зимнего и весеннего наступления Красной Армии принял затейливо-узорное очертание. У нашей стороны не хватало сил для ликвидации немецких выступов. Гитлеровцы не стремились выровнять линию фронта за счет отвода войск, справедливо считая такое положение выгодным для нанесения охватывающих фланговых ударов по советским армиям, вклинившимся в их оборону.

Наибольшей вычурностью конфигурация линии фронта отличалась на центральном направлении. Здесь немецкие армии, удерживающие ржевский выступ, от Москвы отделяли немногим более 150 километров. Для Ставки вполне логичным было считать, что именно отсюда вермахт и нанесет главный удар, но в начале года Генеральный штаб РККА во главе с маршалом Борис Шапошниковым, с мнением которого считался верховный главнокомандующий Иосиф Сталин, склонялся к южному направлению.

В беседе с главой британской военной миссии в СССР генерал-лейтенантом Фрэнком Мэйсоном-Макфарлейном, состоявшейся 3 марта 1942 года, начальник ГРУ ГШ КА генерал Алексей Панфилов высказал точку зрения, о которой английский офицер поспешил сообщить в Лондон. По мнению главы советской военной разведки, «если наши нефтяные расчеты верны, то наиболее вероятной и логичной целью немецкого наступления весной являются нефтяные месторождения Кавказа и Ирана».

К таким выводам Генеральный штаб Красной Армии подталкивало несколько причин. Не последнее место среди них занимал характер действий немецких войск осенью 1941, когда они параллельно с наступлением на Москву продолжали продвижение и на юге.

Освобождение советскими войсками 27 ноября Ростова стоило командующему группой армий «Юг» фельдмаршалу Герду фон Рундштедту должности. 1 декабря его сменил Вальтер фон Рейхенау, известный своим чудовищным приказом, снимающим с подчиненных ему войск ответственность за преступления против мирного советского населения. Этот приказ настолько отвечал целям Гитлера в отношении оккупированных территорий СССР, что он его распространил на весь восточный фронт.

Фюрер настолько оказался чрезвычайно озабочен положением на ростовском направлении. В разгар Московской битвы он перенаправляет Рейхенау предназначавшиеся для группы армий «Центр» 156 лучших на тот период немецких танков Т-III и Т-IV.

В танковых дивизиях гитлеровцев на московском направлении в этот период в среднем «безлошадными» оставались по 1 600 танкистов и водителей автотранспорта. Гитлер посчитал необходимым направить технику на юг, считая важным удержать ворота на Кавказ – Ростов. Потеря города повлияла и на здоровье фюрера.

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записывает 1 декабря в своем знаменитом дневнике: «Состояние здоровья главкома (Гитлера. — **Авт.**)

из-за постоянных нервных переживаний и волнений опять внушает тревогу». И именно на кавказское направление, а не под Москву вылетает Гитлер 2 декабря 1941 года. Здесь он встречается с новым командующим группы «Юг». Согласно дневниковой записи Гальдера «Фюрер, находясь в группе армий «Юг», заявил командующему группой армий, что ни он, ни командование танковой армии невиновны в нынешнем развитии событий. Войска сражались исключительно упорно и смело. Он отдал целый ряд указаний в отношении проведения отдельных мероприятий».

О каких мероприятиях шла речь, подсказывают дальнейшие выступления Гитлера на совещаниях с военными, на встречах с союзниками, с которыми он может позволить себе откровенные беседы. Он словно забывает на время о Москве, несмотря на поспешное отступление немецких войск от её стен. Им овладевает навязчивая идея похода на Кавказ, и далее – на Ближний Восток, что удастся зафиксировать советским военной и политической разведкам.

Гитлер в разговоре с японским послом в Берлине генералом Хироси Осима 3 января 1942 года заявил: «Цель в том, чтобы возобновить наступление на Кавказ, как только позволят погодные условия. Это самое важное направление наступления: мы должны дойти до нефтяных промыслов там, а также в Иране и Ираке. Естественно, мы сделаем также всё, что в наших силах, чтобы стереть с лица земли Москву и Ленинград». О планах европейских союзников Хироси Осима, конечно, сообщил в Токио.

Есть основания считать, что внешняя разведка НКВД, имевшая среди японских

дипломатов надежного и осведомленного агента – поверенного Страны восходящего солнца в Болгарии Идзуми Кодзо и располагавшая широким набором ключей к шифрам внешнеполитического ведомства Токио, получила сведения об откровенном разговоре Гитлера с Хироши Осима.

О планах немцев на летнюю кампанию докладывала еще действующая в Германии и Западной Европе широкая агентурная сеть НКВД и ГРУ – группы Леопольда Треппера, Арвида Харнака, Харро Шульце-Бойзена и других, получивших собирательное название «Красная капелла». В реальности эти группы были самостоятельны и ничего друг о друге не знали. Массовые аресты резидентур начнутся позже. Москва потеряет около двухсот агентов, но зимой и весной 1942 года они еще продолжали активно работать. О размахе их деятельности свидетельствует тот факт, что спецслужбы Германии только в 1941 году перехватили около 500 радиосообщений советской агентуры, переданных из оккупированных стран Западной Европы в Центр. Расшифровать их гитлеровцы смогут лишь после того, как начнутся аресты радистов.

Известна реакция руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса после знакомства с информацией, собранной советской агентурой: «Красный оркестр» стоил Германии 200 тысяч солдатских жизней». Под «красным оркестром» германский разведчик подразумевал активный радиообмен между советской агентурной сетью и Центром.

Таковы кратко перечисленные причины, которые заставили Ставку обратить внимание на южный участок фронта. Ближе к лету в Москве возобладает другая точка зрения. До сих пор считается, что на ней настоял Сталин, непоколебимо уверенный в том, что немцы предпримут вторую попытку захватить столицу СССР. Но последние исследования вносят существенные коррективы в эту версию.

В том, что противник летом возобновит наступление на Москву, уже в мае не сомневались командующие большинства фронтов и Генеральный штаб. К такому выводу подталкивает даже поверхностное знакомство с советскими разведывательными сводками этого периода. И эту точку зрения им навязал не Сталин. Советского верховного главнокомандующего, как и его подчиненных, дезориентировала немецкая сторона, сумевшая скрыть свои истинные планы.

Гитлеровцы последовательно, начиная с апреля, провели цикл стратегических

дезинформационных мероприятий, вершиной которых стала операция «Кремль». Нельзя исключать, что взяты за эту работу со всей серьезностью Берлин заставили сведения, полученные от взятого в плен 21 апреля советского генерала Александра Самохина. Информация, которой он располагал, вполне могла повлиять, согласно выражению немецкого командующего армией Рудольфа Шмидта, «на дальнейшее проведение операции».

(Продолжение следует)

Константин КОРОТОВ,

генеральный директор

«Корпорации развития Камчатки»